

Заклученный неподвижно лежал на медицинском аппарате визуализации. Его дыхание было медленным и поверхностным, на лице виднелось множество ссадин и мелких рваных ран. Другие повреждения были более глубокими, они проникали сквозь ткань его изодранной куртки и ткани плеча и руки. Его веки были закрыты, губы приоткрыты, челюсть отвисла в беспомощности. - Ну? - коротко спросил Вейдер. Натан Халлин, офицер медицинской службы, с трепетом посмотрел на Вейдера, не понимая причины его присутствия здесь, а не в специально отведенном, но более тесном медицинском отсеке на палубе предварительного заключения. Они были вызваны в посадочный отсек вместе с небольшой медицинской бригадой, когда на борт был поднят поврежденный грузовой корабль и был вынужден приземлиться без каких-либо дальнейших объяснений. По прибытии вокруг них началась какофония перестрелки.

После непродолжительного молчания был вызван медицинский персонал, чтобы оказать помощь солдату, явно повстанцу, который, судя по его одежде, был без сознания. Халлин, проработавший в команде Вейдера менее года и выбранный Вейдером для замены существующего члена, чьи способности он превосходил, еще не полностью освоился со всеми тонкостями своей роли. Тем не менее, он быстро учился. "Помимо очевидных повреждений — отсутствия руки — у него ушибы, множественные глубокие рваные раны и сотрясение мозга", - Халлин сделал паузу, прежде чем продолжить, - "Кроме того, у него серьезные повреждения нервов в верхней части грудной клетки, а также сдавление и смещение межпозвоночных дисков и позвонки, характерные для удара или падения."

Далее он сказал: "Эти травмы не являются непоправимыми, если их своевременно устранить".

Вейдер резко спросил: "Что стало причиной его обморока?" - Халлин ответил: "Степень повреждения нервов достаточно велика, чтобы вывести из строя любого человека. Насколько я понимаю, он получил множественные серьезные травмы головы, которые, вероятно, усугубили травму позвоночника. Его тело, вероятно, просто не выдержало дальнейших повреждений и поэтому отключилось."

Осознавая тишину, исходящую от внушительной фигуры рядом с ним, Халлин, миниатюрный и стройный медик, начал отступать. Честно говоря, я удивлен, что он вообще стоял, учитывая тяжесть его травм, в сочетании с сотрясением мозга. Халлин замолчал, понимая, что его слова только усугубляют ситуацию. Наконец, не в силах больше выносить молчание, он заявил: "Мы должны начать лечение, чтобы уменьшить давление на спинномозговые нервы между позвонками T4 и T8. Это серьезная травма, милорд".

Рука имеет меньшее значение, но чем раньше мы соединим искусственные нервы с биологическими, тем более плавным будет процесс интеграции и тем легче пациенту будет адаптироваться. До Халлина с запозданием дошло, что ни один из этих вариантов действий не может быть реализован, учитывая очевидный факт, что пациент был пленником, судя по количеству солдат, находившихся внутри и снаружи медицинского отсека. Скучный опыт общения Халлина с лордом Вейдером подсказывал, что он, скорее всего, захочет узнать, в чем заключалась проблема, а не как ее можно было решить.

Если молодой человек действительно был мятежником, как подозревал Халлин, ему в любом случае грозил смертный приговор, что делало тщетными любые усилия, включая значительный опыт Халлина.

- Поступайте с ним, как считаете нужным, - сказал Вейдер, удивив Халлина этим распоряжением. - Да, мой лорд, - ответил Халлин, пытаясь скрыть свое удивление. Когда Вейдер уже собирался уходить, ему в голову пришла другая мысль: "Есть ли какие-нибудь возможные осложнения?" - Халлин заколебался, не уверенный в том, что Вейдер имел в виду.

Конечно, это не было поводом для беспокойства. Он снова обратил свое внимание на пленника, размышляя над этим вопросом. Хирургические вмешательства на позвоночнике были сопряжены с риском потенциального вторичного повреждения нервов и длительной анестезии, однако квалифицированные дроиды, проводившие процедуру, заслуживали доверия. Восстановление конечностей проводилось только под местной анестезией, без какого-либо риска, хотя и было длительным процессом. Если бы они выбрали более простую замену... "Нет, используйте самое лучшее доступное оборудование. У вас здесь есть все необходимые ресурсы?" Халлин задумался, было ли присутствие этого человека просто следствием его состояния, или, возможно, он был имперским агентом или даже солдатом элитного 501-го легиона Вейдера. Заслуживает ли такое предположение беспокойства? Если это так, то Халлин должен проявлять такой же уровень внимания.

- Конечно, милорд. Должен ли я вызвать обычный медицинский персонал?

- Есть ли другие эксперты, которые могли бы быть более квалифицированными?

- В настоящее время на борту находятся несколько специалистов, которые помогут вам обеспечить максимальный уход.

- Задействуйте их. Сделайте все, что потребуется.

Вейдер повернулся к Халлину, его внушительная фигура возвышалась над миниатюрным медиком. - Я доверяю его здоровье вашему опыту, Халлин. Допустимых ошибок не существует... Я не потерплю неудачи.

Халлин кивнул в знак согласия. В отличие от многих других вопросов, это была четкая директива. Должен ли он... как его звали? Как это должно быть записано? Халлин теперь был убежден, что тяжело раненный человек был своего рода агентом Вейдера, но он по-прежнему не был уверен в намерениях Вейдера, которые были зафиксированы в медицинских журналах корабля.

Вейдер долго стоял в тишине, не сводя глаз с неподвижной фигуры молодого человека перед ним. "Его зовут Люк, - объявил он, - и он мой сын". Глаза медика расширились от удивления, но он остался неподвижен. Вейдер мог различить быстрые мысли, проносящиеся в голове медика, пока он обрабатывал эту новую информацию.

- Я понимаю, лорд Вейдер, - быстро ответил медик.

С чувством, что он высказал свою точку зрения, Вейдер удалился, оставив медика заниматься своими обязанностями. Когда он вышел из медицинского отсека, его мысли обратились к последствиям его действий. Признание Люка своим сыном стало для него значительным шагом вперед. В нем бурлила сложная гамма эмоций — противоречивые чувства, глубоко запрятанные воспоминания, горечь от отказа отца и неизбежная роль, которую его сыну предстояло сыграть в планах их хозяина. Он признавал, что это потребует жертв со стороны Люка, но в то же время признавал глубокую связь, существовавшую между ними. Почти год Дарт Вейдер знал о существовании Люка, но только сейчас он признал его своим. Как только агенты Императора раскрыли личность пилота, уничтожившего "Звезду смерти", Дарт Вейдер испытал редкий эмоциональный отклик. Смутные ощущения, которые он испытал, преследуя этот "Крестокрыл" над Звездой Смерти, и осознание того, что неизвестный пилот совершил этот, казалось бы, невозможный подвиг, привели его к выводу, что это был его сын.

В течение прошедшего года Дарт Вейдер то испытывал уверенность в том, что это

действительно его сын, который, как он полагал, погиб вместе со своей матерью после ее смерти, то терзался сомнениями относительно правдивости этого факта. Он был полон страха, что это может оказаться обманом или что это может оказаться правдой. Затем Люк прибыл в Облачный город, и его присутствие в Силе стало очевидным. Дарт Вейдер знал, на более глубоком уровне, чем любая информация, которую могли предоставить его агенты, что этот мальчик - его сын, его наследник, его наследие. Впервые сформулировать свои мысли вслух - это очищающий опыт. Хотя это не дает представления о более глубоких и сложных эмоциях человека по этому поводу, это помогает прояснить уровень преданности делу, которого другие могут ожидать от Вейдера в этом вопросе, что и было его намерением, когда он высказывался. Он рассудил, что воздержаться от этого кратковременного проявления необычных чувств было правильным решением, и на этом все закончилось. И если император не желает, чтобы эта информация стала достоянием общественности, незаменимых нет.

Было раннее утро, и мужчина начал выходить из состояния наркоза. Вокруг него были установлены сканеры, которые регистрировали изменения в его мозговой активности и издавали негромкие звуки. Халлин, усталый, но все еще бодрый, поспешил в палату. Его намерением было дождаться, пока пациент придет в сознание, и убедиться, что все в порядке, прежде чем уйти.

Халлин придирчиво осмотрел трубки для внутривенного введения, нервно переводя взгляд с одной трубки на другую. После длительной хирургической процедуры показания оставались неустойчивыми. Подошел дроид с портативным сканером, в то время как другой дроид извлек кислородную трубку. Удивительно, но когда Халлин навел сканер на голову пациента, мужчина поднял левую руку и слабо сжал ладонь доктора. "Люк, ты меня слышишь?" Спросил Халлин. "Меня зовут Халлин, и я твой лечащий врач. Вы только что перенесли операцию и должны лежать абсолютно неподвижно."

Веки мужчины на мгновение затрепетали, когда он возился с капельницей в руке, не подавая никаких других признаков сознания. Халлин обратился к медицинскому дроиду: "У вас есть электромагнитный сканер?"

- Нет, сэр. Я пойду и...

- Не нужно, у меня в кабинете есть. Я вернусь через минуту.

Вернувшись менее чем через минуту, Халлин столкнулся со сценой ошеломляющего беспорядка. В течение короткого мгновения он не мог понять, что произошло, его усталый разум пытался постичь непостижимое. Пчела 4-1 оставалась на месте, именно там, где ее оставили, но теперь она была неподвижна, ее огни погасли, а голова наклонена в сторону пациента, который больше не лежал на кровати. В состоянии паники Халлин поспешила к кровати, где нетронутое постельное белье было испачкано капельницами крови из выброшенной капельницы. Какое-то время Халлин смотрел на неподвижного дроида, затем на пустую кровать. Два выстрела из бластера, раздавшиеся в коридоре, заставили его сердце замереть, и, наконец, его вялые конечности пришли в себя. С безудержной поспешностью он вбежал в ярко освещенный коридор, где его пациент тяжело прислонился к левой стене, едва держась на ногах, окруженный группой штурмовиков, которые, отступая, поднимали свои бластеры.

- НЕТ! - закричал он, бросаясь к мужчине. - Не стреляйте! К тому времени, как Халлин добралась до фигуры, которая, казалось, была в некотором подобии сознания, мужчина, пошатываясь, сделал еще несколько шагов по коридору, в то время как штурмовики

образовали широкий полукруг, держа бластеры наготове.

"Не причиняйте ему вреда! Он восстанавливается после операции. Он просто..."

"У вас есть одна минута, чтобы вернуть его в медицинское отделение". "Мы доставим его к нам", - скомандовал голос Штурмовика через коммуникационную маску, его угроза не уменьшилась. "Очень хорошо... Очень хорошо, - ответил Халлин, делая шаг вперед, когда из медицинского отсека появились еще три медицинских дроида, привлеченные суматохой.

- Сэр, три медицинских дроида... - начал один из них, но, наконец, осознал ситуацию и замолчал. Халлин зашипел на шокированные лица медиков. - Принесите мне шприц и наполните его синорином! Быстро!

Халлин колебался, не уверенный в своем следующем шаге. Штурмовики контролировали ситуацию, и ситуация стремительно выходила из—под его контроля, а лорд Вейдер возложил на него ответственность за этого человека. Его голос наполнился тревогой, и он повернулся к другому медику. - Немедленно свяжитесь с лордом Вейдером. Воспользуйтесь устройством связи в моем кабинете и сообщите ему о ситуации. Медик, побледнев, кивнул и поспешил обратно в медицинский отсек. Пациент сделал еще несколько неуверенных шагов по коридору, не обращая внимания на солдат, которые держались от него на приличном расстоянии. Он остановился, прислонившись спиной к стене, волоча босые ноги, оставляя на полу багровые разводы. Он продолжил свой путь, выставив напоказ свой покрытый синяками и ссадинами торс, одетый только в ночную рубашку. Как это было возможно?

Халлин, озадаченный тем, что никогда не видел, чтобы кто-то так быстро приходил в себя после общей анестезии, подошел к пациенту. Его внимание привлек длинный свежий шрам, тянувшийся по спине пациента чуть выше лопаток. Такая операция была сложной, и она не должна была быть напряженной так скоро после нее. Как этот человек мог все еще стоять на ногах? Казалось, что он был в сознании, но как такое могло быть? Халлин осторожно приблизился к нему, опасаясь, что он может упасть и причинить еще больший вред. Он осторожно положил руку на плечо мужчины и взмолился: "Пожалуйста, прекрати. Ты делаешь себе больно. Ты должен остановиться. - Мужчина замедлил шаг, но все еще стоял, прислонившись к стене, прижав раненую руку к груди и ссутулившись. Солдаты вокруг него придвинулись ближе, и он резко вскинул голову, пристально глядя на них. Они подняли оружие, настороженные его состоянием. Халлин взглянул на них и поднял руку, чтобы успокоить. Впервые он обратил внимание на четырех других солдат, лежащих на полу у дальней стены, их бластеры были разбросаны вокруг.

Был ли этот человек ответственен за случившееся? Это казалось невероятным. Как он мог совершить такой подвиг? Воспоминание о выстреле из бластера вернулось к Халлину. К нему сзади подбежал медик с аптечкой. Наконец-то хоть какая-то помощь прибыла! Халлин схватила шприц для подкожных инъекций и быстро повернулась к мужчине.

Внезапно произошло нечто необъяснимое. Когда он повернулся, его рука дернулась назад, как будто его толкнули, и шприц вонзился в его тело, введя полную дозу транквилизатора. Он успел прошептать другому медицинскому работнику слово "противоядие", прежде чем у него подкосились ноги. Придя в сознание, он обнаружил, что неловко прислонился к стене, а рядом с ним на коленях стоят два других медицинских работника. Один из них повторял его имя, в то время как другой осторожно постукивал его по лицу.

- Я... - сумел выговорить он, все еще пытаясь преодолеть действие успокоительного, хотя противодействующее вещество уже начинало действовать в его организме. Повернув голову, он

увидел штурмовиков, стоявших на некотором расстоянии от раненого, который оторвался от стены и неуверенно покачивался, не в силах сохранить равновесие.

"Не позволяйте им стрелять", - сказал он слабым голосом. "Задержите их...", - он попытался приподнять руку и сделать жест, но один из медицинских работников понял его намерение и двинулся вперед. - Не дайте ему упасть, - голос Халлина стал слабым и задыхающимся, когда он изо всех сил старался удержаться на ногах. - Пожалуйста, не надо... - Затем, краем глаза, он заметил, как дверь турболифта скользнула в сторону, открывая взору высокую фигуру, выходящую в ярко освещенный белый коридор "звездного разрушителя". Лорд Вейдер окинул сцену одним взглядом, и в этот момент его присутствие было абсолютным.

- Стой! - крикнул я. Его голос звучал громко и глубоко, не оставляя ни у кого сомнений в том, что он говорил серьезно. В коридоре воцарилась тишина.

Рывкнув, он скомандовал: "Отбой!" Штурмовики повиновались, опустив оружие и отступив назад. Халлин услышал тихий вздох, наполовину облегченный, наполовину раздраженный, когда раненый рухнул на колени. Он молчал, ссутулившись, опустив голову и неуверенно покачиваясь всем телом.

Лорд Вейдер продолжил свой путь по коридору, не обращая внимания на павших солдат, мимо которых он проходил. Он также проигнорировал Халлина, с трудом поднимающегося на ноги, и нервничающих медиков и штурмовиков, которые быстро расступились с его пути. Подойдя к сгорбленному человеку, Вейдер опустился перед ним на колени и подвергнул его длительному осмотру. Колоссальные размеры массивного тела Вейдера делали миниатюрную фигуру под ним еще более миниатюрной, с обнаженной грудью и ногами, покрытыми шрамами от побоев и травм, украшенными бинтами. Мужчина казался совершенно незащитным под внушительными черными доспехами своего похитителя. - Куда ты направляешься? спросил Вейдер тихим и невыразительным голосом. Мужчина поднял голову, хотя было ясно, что поддержание вертикального положения отнимает у него силы. Его слабость становилась все более очевидной по мере того, как истощались его резервы, что делало его слабым.

Странно, но, несмотря на то, что Халлин не мог слышать слов лорда Вейдера, он, казалось, отреагировал так, как будто слышал их. - Они не повреждены. Вам следует позаботиться о своем собственном благополучии, - ответил он. На этот раз Халлин различил у него единственное слово, похожее на вздох.

- Хан?.. - лорд Вейдер долго молчал, слегка склонив голову набок. Наконец, с ноткой уступки в голосе, он сказал: - Я заберу его. - Он наклонился к мужчине, чье дыхание становилось все более затрудненным. "Тебе следует отдохнуть", - заявил он, не столько предлагая сделку, сколько подтверждая ход событий.

На душе у Люка было тяжело, все его тело дрожало от усталости. Он все же попытался откинуться на спинку стула, но его рука была словно придавлена огромной тенью, которая надвигалась на него. Казалось, что всякое сопротивление исчезло, все силы покинули его. Огни начали расплываться перед его глазами, и все вокруг начало медленно вращаться, как будто гравитация на мгновение утратила свою силу. У него закружилась голова, стены закружились, и все закрутилось во всех направлениях одновременно. Сосредоточься! Прекрати это! Приказал Люк себе, своему единственному спасению. Холодный прилив ясности, сопровождаемый Силой, но все же он почувствовал, как Темная сторона проникает внутрь, давит и достигает его. Достигающий... Он попытался поднять голову, чтобы сфокусировать взгляд на темной фигуре перед собой, но теперь это казалось невозможным. Его дыхание стало

прерывистым, он боролся за воздух. Затем он повалился вперед, его сопротивление ослабло.

Реальность закружилась вокруг него, и земля, казалось, устремилась ему навстречу. Сильные руки схватили его, поднимая с пола, как ребенка. По спине пробежал жар, но ему было все равно. Все расплывалось перед его глазами, он не чувствовал ни верха, ни низа. Сознание то затухало, то растекалось волнами между черными пропастями. Эхом отдавались обеспокоенные голоса, но их слов было не разобрать. Ничто не проникало сквозь густой туман, который окутывал его, придавливая к земле, лишая возможности думать, за исключением дыхания, которое становилось все более затрудненным. Все звуки слились в единую ноту, резонирующую в его сознании. Биение сердца сотрясало его с каждым ударом. Дыхание стало затруднительным, отчаянной попыткой набрать воздуха в легкие. Поднять грудь казалось невыполнимой задачей. Каждый вдох становился все более поверхностным, пока он не погрузился в неподвижность окрашенной в красный цвет темноты, совершенно измотанный.

Халлин наклонился, чтобы поддержать голову мужчины, когда Дарт Вейдер опустил его на кровать для сканирования. Прилив адреналина заставил медика насторожиться, когда медицинские дроиды приблизились и активировали свои считывающие поля, в результате чего информация появилась на потоковом дисплее в изножье кровати. Халлин поднял глаза, изучая показания приборов, пока принимал капельницу от дроида и вводил иглу.

Дарт Вейдер проигнорировал его, положив руку на грудь лежащего без сознания мужчины. Халлин повернулся к медицинским показаниям, когда прозвучал сигнал тревоги: "У него шок".

Капельница наполнилась жидкостью, и веки Люка затрепетали - "НЕТ!"

Дарт Вейдер протянул руку и закрыл пробирку: "Уберите ее!"

Халлин отшатнулся от свирепости Дарта Вейдера: "Что? Убрать это? Никаких лекарств - это нарушит его связь с Силой." Глаза Халлина расширились, но, несмотря на страх, чувство долга пересилило его, и он выступил против Вейдера. "Милорд, операцию не следовало проводить. Пациент в шоке, и его состояние критическое".

Как бы подчеркивая это, медицинский отсек снова издал негромкий сигнал тревоги. Халлин оглянулся на монитор, затем на руку лорда Вейдера в перчатке, все еще сжимающую трубку капельницы. С тяжелым сердцем он сообщил суровую правду: "У него опасно низкое кровяное давление. Лекарства могут помочь стабилизировать его состояние, пока его организм не сможет..."

- Нет, он джедай, - вмешался Халлин, нахмурившись, - и он войдет в транс, чтобы исцелить себя, если вы не вмешаетесь. Как у профессионального медика, у него не было времени на подобную чепуху. - Делай, как я говорю, - приказал Вейдер, и в его голосе прозвучала угроза. Халлин заколебался. Сила была концепцией, которую он считал мифом, иллюзией для тех, кто был достаточно доверчив, чтобы принять ее. Он был наслышан о легендах, которые рассказывали о лорде Вейдере и Императоре, но за два месяца, прошедшие с момента вступления в команду лорда Вейдера, он не столкнулся ни с чем, что изменило бы его точку зрения. Тем не менее, как практикующий врач, лорд Вейдер имел над ним власть. Если он хотел проверить какую-то гипотезу, это было его прерогативой. Никто здесь не мог ему помешать, так почему же Халлин застыл на месте? Медицинская тревога зазвучала громче, призывая к действию.

Но разве этот человек не был сыном лорда Вейдера? Что заставило его так рисковать своей жизнью? Как это можно было сделать? Черная маска повернулась к нему, и голос внутри нее

не терпел возражений: "Сними ее". - ответил Халлин ровным тоном, в котором слышалась покорность судьбе. - Ты понимаешь... он умрет от шока, возможно, от остановки сердца, если его не стабилизирует какое-либо вмешательство. - Говоря это, Халлин извлек капельницу, не отрывая взгляда от мониторов, ожидая неизбежного. Вейдер не повернулся и не взглянул на дисплей. Его взгляд был прикован к умирающему. Не было необходимости в длительном ожидании. Сканер издал ровный звуковой сигнал, и показания начали мигать красным. Халлин, чье сердце быстро колотилось в груди, объявил: "Его жизненные показатели ниже допустимого уровня". Это противоречило всему, чему его учили, и всему, во что он верил, - просто стоять в стороне и наблюдать, когда он мог с легкостью предотвратить это.

"У него фибрилляция сердца", - голос Вейдера был глубоким и мягким, но Халлин отчетливо слышал его. В его хриплых словах слышались неприкрытые эмоции, скрытые за маской. Халлин заметил, как лорд Вейдер зашипел на умирающего молодого человека.

Несмотря на ухудшающиеся показатели, показанные сканером, Халлин почувствовал отчаяние, когда оглянулся на пациента. Не в силах сопротивляться, он протянул руку и осторожно положил ее на лоб молодого человека, зная, что это не облегчит ситуацию. Тем не менее, он попытался хоть как-то утешить его в эти последние мгновения, предложив жест поддержки. Вейдер смягчился и обратился к Халлину: "Помоги ему". Халлину не нужно было повторять дважды. С новыми силами он шагнул вперед и протянул руку медицинскому дроиду, воскликнув: "Адреналин — 240 миллиграммов в шприце доктора!" Он прицелился в точку между ребер мужчины, молясь, чтобы еще не было слишком поздно.

Когда Халлин ввела шприц, сигнал сканера изменился. Два показания изменились с критических на нормальные. Халлин в замешательстве нахмурилась, глядя на дисплей и удивляясь, как такое могло случиться. Третье показание повысилось, когда жизненные показатели пациента начали стабилизироваться. Вейдер протянул руку, мягко отодвигая Халлина в сторону от пациента, чье прерывистое дыхание начало выравниваться. Халлин потерял дар речи, глядя на пациента на кровати, чьи синие губы начали краснеть, а восковая кожа возвращала свой естественный оттенок. Что же происходило? В течение минуты показатели нормализовались, но состояние мужчины оставалось тяжелым, переходя из критического в стабильное. Тем не менее, некоторые показатели оставались на повышенных уровнях — мозговая активность и насыщение кислородом были исключительно высокими. Халлин не решался оценить ситуацию.

Лорд Вейдер обратился к нему голосом, лишенным эмоций: "Учись и приспосабливайся, если хочешь служить ему. Он джедай... Все прежние знания и ограничения устарели. Ты был прав, обратившись ко мне за советом. Делай так снова в будущем". С этими словами он удалился. Халлин наблюдал за его уходом, темная фигура на фоне мерцающего света коридора. После этого он остался один, глядя на джедаев с молчаливым изумлением.

Люк очнулся от беспокойного сна, внезапно осознав, что рядом кто-то есть. Он провел ночь в одиночной камере, куда его привел Вейдер после его третьей неудачной попытки сбежать из медицинского учреждения всего через день после его первого побега. К тому времени, как Вейдер прибыл, Люк уже был задержан, а оба штурмовика прикрывали его спереди и сзади.

Однако на этот раз Люк оказался глубже в недрах корабля. Он все еще чувствовал себя медлительным и задыхающимся, его тело все еще было хрупким, но он был в сознании и достаточно хорошо соображал, чтобы ориентироваться в окружающей обстановке и определить свое местоположение, а также предполагаемый пункт назначения... и, что самое главное, способ избежать поимки в следующий раз. Вейдер подошел к Люку с яростным видом, его

присутствие нависало над юным джедаем подобно темной тени. Люк, ослабевший и прислонившийся к стене в поисках опоры, почувствовал сильную хватку Вейдера, когда тот потащил его прочь. Сила захвата Вейдера была неумолимой, не оставляя Люку иного выбора, кроме как пассивно следовать за ним, пока они шли по коридорам разрушителя, а звук шагов штурмовика эхом отдавался позади.

Силы Люка были на исходе, и он едва мог держаться на ногах. Его, все еще одетого в белую одежду медицинского центра и босого, грубо втолкнули в пустую камеру с изогнутым потолком и массивной колонной в центре. Измученный форсированным маршем, он был почти без сил, его зрение сузилось, а грудь поднималась и опускалась от частых вдохов. Он начал смутно осознавать, что техники собрались вокруг него, когда он прислонился к колонне, изо всех сил пытаясь встать на ноги. "Если ты будешь вести себя здесь как заключенный, с тобой будут обращаться как с заключенным", - наконец предупредил Вейдер, и разочарование и раздражение заглушили его слова. Кем, по мнению Вейдера, был Люк? Солдат-повстанец, захваченный империей в плен, и он ухватился бы за любую возможность сбежать или, по крайней мере, посеять хаос. Жгучая боль привлекла внимание Люка к его лодыжке, где техники с помощью портативного устройства соединяли друг с другом две тонкие металлические ленты, другие концы которых уже были обернуты вокруг толстой колонны.

- Они неразрывны, - без всякой необходимости заявил Вейдер. - Конечно, ты мог бы использовать Силу, чтобы обрушить колонну, но, поскольку на ней покоится крыша, я бы не рекомендовал этого делать. - Он долго молча смотрел на Люка, ожидая чего-то, чего Люк не знал. Не в силах ответить, Люк мог только смотреть в ответ с открытой враждебностью в глазах, его грудь поднималась и опускалась от затрудненного дыхания. Наконец Вейдер повернулся спиной и ушел. Массивная дверь с шипением закрылась, за ней закрылась еще одна дверь. Вейдер — ничего больше, никакой связи, даже не человек... Люк все еще не мог думать о Вейдере в таких терминах. Теперь было легче не обращать на него внимания.

Люк знал, кем был Вейдер, и какова была природа их взаимоотношений: враг - солдату, Империя - мятежнику. Он не хотел и не нуждался в том, чтобы это восприятие менялось. И вот теперь, когда он почувствовал знакомое присутствие, приближающееся к его камере, он открыл глаза и прищурился, но не пошевелился, оставаясь на жестком полу, лежа на боку спиной к швам и отвернув лицо от двери.

Внешняя дверь со скрежетом отворилась, и мгновение спустя внутренняя дверь последовала ее примеру. Тяжелые шаги приблизились, затем стихли. Воцарилось молчание, во время которого Люк, стиснув зубы, пытался выровнять дыхание. - Я знаю, что ты в сознании, - наконец заговорил Вейдер, его голос был низким и спокойным, но все еще твердым и непреклонным. Люк оставался неподвижным, не оборачиваясь.

- Уходи, - приказал он.

"Я желаю поговорить с тобой", - ответил Вейдер.

- У меня нет желания с вами разговаривать, - возразил Люк.

Тон Вейдера стал резким и насмешливым. - Тогда ты должен выслушать.

Не имея другого выбора, Люк с трудом выпрямился и прислонился к прочному столбу, обмотав лодыжки тросами. Даже Люк был ошеломлен силой гнева Вейдера.

"Очень хорошо", - подумал он. "Я буду слушать", - сказал он с мимолетным чувством удовлетворения, когда Вейдер запнулся. Сквозь стиснутые зубы он повторил свое

приглашение: "Продолжай. Ты хочешь, чтобы я слушал — я слушаю".

Вейдер покачал головой. - Нет, это не так. Ты не собираешься слушать ничего из того, что я говорю. Люк молчал, не сводя взгляда с Вейдера. «хорошо. Уходи."

Вейдер больше ничего не сказал, продолжая молча смотреть на Люка. - Я выношу суждение о тебе, не имея в своем распоряжении всех фактов, - продолжил Люк. - Нет, я основываю свое суждение на фактах в том виде, в каком они мне представлены. Я нахожусь в заключении в этой камере предварительного заключения против своей воли, меня перевезли в Имперский центр против моего желания. Преступник, совершивший это похищение, ранил моих товарищей, сделав это только для того, чтобы привлечь мое внимание. Теперь они намерены передать всех нас в руки тех, кто, не колеблясь, казнит нас всех, если я не выполню их требования. Этот человек прекрасно осведомлен об этом факте, но, тем не менее, дверь остается запертой. Я выношу приговор этому человеку". - "Ты такой упрямый", - сказал Вейдер, раздраженно качая головой. "И ты намеренно слеп. Я не верю, что ты можешь осознавать последствия своих действий".

- Выбор за вами, - продолжил Вейдер. - Я сделал свой выбор давным-давно, и ничто, даже сейчас, не может его изменить. Ваш выбор был основан на неполной информации. У вас были только те факты, которые имели для вас значение.

Люк отвел взгляд. - Только со мной, - сказал он. - И я полагаю, ты скажешь мне правду? В его словах слышалось недоверие. - Почему ты думаешь, что я менее способный, чем Оби-Ван?

Вейдер продолжил свои рассуждения. - Император будет использовать твоих друзей, чтобы контролировать тебя. - Люк посмотрел на него, наполовину спрашивая, наполовину бросая вызов. - Тогда отпусти их, - сказал он. Это был первый раз, когда они посмотрели друг другу в глаза. На мгновение гнев на лице Люка смягчился, но он моргнул, отвернулся и в изнеможении потер виски. Он произнес "Я не могу" голосом, полным усталости и разочарования, смысл его слов был ясен. "Так не должно быть на самом деле. Предложение, которое я распространил на Беспин, остается в силе — и так будет всегда".

Его слова прозвучали как предложение какого-то подарка, а не как приговор Люку к смерти. "Я могу научить и показать тебе силу, которая сделает тебя непобедимым", - сказал он. "У тебя есть возможность победить Дарта Вейдера".

- Как ты можешь быть так уверен? Спросил Люк усталым и пренебрежительным тоном.

Вейдер ответил: "Потому что я знаю тебя, знаю, кто ты такой — правду. Они показали тебе только часть твоего истинного потенциала. Я понимаю твои способности... твой потенциал. Они могли обучать тебя только навыкам, потому что знали только это. Но я могу помочь тебе овладеть ими".

- Чтобы реализовать свои амбиции? - с вызовом спросил Люк.

Вейдер ответил: "Чтобы раскрыть свой потенциал".

Вейдер замолчал, не привыкший к такому затруднительному положению. Если бы только молодой человек прислушался, хотя бы на мгновение. Если бы он мог осознать возможность того, что Оби-Ван может ошибаться, а Вейдер - быть прав. Как Вейдер мог бы сформулировать это? Как он мог заставить Люка понять это?

- Люк,... ты другой. Мы другие. Молодой человек молчал, отвернувшись. Вейдер продолжал: - Пойми, кто ты такой, чего ты можешь достичь. Твоя родословная, твое наследие. Я могу помочь вам осознать свой истинный потенциал”.

"почему?" - Спросил Люк мягким и сдержанным тоном. Вейдер замер, застигнутый врасплох. - Разве ты не хочешь узнать свою истинную сущность?

Люк недоверчиво покачал головой. “Нет”, - сказал он. “Я не хочу знать правду. Я просто хочу, чтобы меня не беспокоили”. Вейдер был озадачен. Разве это не то, к чему стремился Люк? Правду, факты, реальность после долгих лет обмана. Почему он должен был этого не хотеть?

Но он смиренно покачал головой. “Я прожил так долго, не зная правды. Я все равно скоро умру. Какое это имеет значение?” Гнев мальчика рассеялся, сменившись горьким осознанием того, что он не узнает правды до тех пор, пока окружающие будут пытаться контролировать его.

“Ты должен знать свою личность, свое наследие”, - сказал Вейдер. Люк пристально посмотрел на него, его бледно-голубые глаза были затравленными, как и его собственные. “Это цена власти?” Спросил Вейдер. - Это и есть истинное наследие Скайуокера - прожить жизнь, полную страданий и печали?

Люк прошептал: “Мне все равно”. Его голос был мягким, но осуждающим. - Пожалуйста, уходи.

И с этими словами Вейдер повернулся и ушел. Поворачиваясь обратно, он выронил из рук маленький голопроектор, который с грохотом покатился по полу и остановился. Ни один из них не взглянул на него. - Твоя мать, - коротко сказал Вейдер, прежде чем развернуться на каблуках и уйти без дальнейших церемоний.

Люк стоял в одиночестве, глядя на маленький предмет, лежащий на полу. Его темный оттенок резко контрастировал с девственной белизной стен. Секунды превращались в минуты, а он не отрывал от нее взгляда, и ее образ запечатлевался перед его мысленным взором, даже когда он закрывал глаза. Но откровение, которое спасло ему жизнь, тяжело давило на него, особенно если исходило из такого источника. Правда была слишком тяжелой, слишком обличающей, и Люк больше не мог ее выносить. Его тело и душа были измучены и изранены.

С центрального наблюдательного пункта в командном центре Дарт Вейдер долгое время наблюдал за Люком, который тихо делился с устройством своими самыми сокровенными мыслями. Вейдер хотел, чтобы он взял в руки устройство, но, в конечном счете, молодой человек откинулся назад, закрыв глаза, позволяя Вейдеру ощутить противоречивые чувства, которые тянули его в противоположных направлениях: его преданность своим товарищам и делу, которое он отстаивал, его опасения, что его скрытое прошлое может стать помехой и средство контроля, а также его страстное желание в последний раз увидеть лицо матери.

Люк заставил себя сохранять неподвижность в течение длительного времени, но все его чувства были настроены на крошечное, заброшенное голопроекторное устройство, лежащее на боку в десяти шагах от него. С его стороны было жестоко оставлять его в таком состоянии, но в то же время это был хитрый ход. Он открыл глаза и вытянул левую руку, и проектор, скользнув по ничем не украшенному полу, аккуратно приземлился ему на ладонь. Какое-то время он держал устройство в руках, борясь со своими внутренними демонами: с тоской, с потребностью в знаниях, несмотря на свои слова, с обидой и горечью, которые заставили его

отказаться даже от этого инструмента.

Он посмотрел на нее, понимая, что кто-то наблюдает за ним, но не обращая на это внимания. Значение момента было слишком велико, чтобы его можно было проигнорировать. Его мать, его прошлое, двадцать один год отверженности - все сконцентрировалось в этом мгновении. Всю жизнь он стремился к любой связи, какой бы слабой она ни была, и вот, наконец, ему была предложена правда, но за это пришлось заплатить: принять того, кем он был и кем мог бы стать.

Еще несколько мгновений он цеплялся за эту возможность, за возможность увидеть свою мать. Но цена была слишком высока. С глубоким вздохом он повернул устройство в руке, большим пальцем выровняв три тонкие прожилки, по которым проецировалось изображение. Без каких-либо заметных эмоций он ловко отсоединил каждый компонент, приведя аппарат в состояние инертности, прежде чем позволить ему выпасть из его рук.

<http://tl.rulate.ru/book/118587/4732119>